

RU

Феномен «бегства от свободы» как универсальный способ теоретического осмысления исторического опыта (применительно к европейскому обществу XX века и эпохе античности)

Кукарников Д. Г.

Аннотация. Цель исследования - установить универсальные и специфические, зависящие и не зависящие от конкретного исторического периода черты открытого Эрихом Фроммом социально-философского феномена «бегства от свободы» посредством осуществления сравнительного анализа положения индивида в западноевропейском обществе первой половины XX в. и в эпоху поздней античности. Научная новизна исследования заключается в изучении возможностей применения концепции свободы Э. Фромма для осмысления исторического опыта как основания познания прошлого. В статье впервые проясняется соответствие основных механизмов «бегства от свободы» историческим и культурным реалиям эпохи поздней античности. В результате проведенного исследования выявлено, что феномен «бегства от свободы» выступает как универсальный способ теоретического осмысления исторического опыта. Доказано, что он может сложиться в любой историко-культурной ситуации в том случае, когда политические и экономические механизмы лишают человека возможности мыслить и поступать спонтанно.

EN

“Escape from Freedom” as Universal Method of Historical Experience Understanding (in the Context of the European Society of the XX Century and the Late Antique Society)

Kukarnikov D. G.

Abstract. The paper aims to identify universal and historically specific features of the socio-philosophical phenomenon “escape from freedom” discovered by Erich Fromm. The study is based on a comparative analysis of the individual’s status in the West European society of the first half of the XX century and in the late antique society. Scientific originality of the research lies in the fact that the author considers possibility of applying E. Fromm’s conception of freedom to analyse historical experience, so as to achieve better understanding of the past. The article for the first time reveals correlation of “escape from freedom” mechanisms, historical and cultural realia of the late antiquity epoch. The conducted research allows concluding that “escape from freedom” is a universal method of historical experience understanding. It is shown that the “escape from freedom” phenomenon originates in any historical and cultural situation, if political and economic mechanisms deprive a person of their own free will.

Введение

Актуальность исследования связана с двумя факторами. Во-первых, немецко-американский философ и психолог Эрих Фромм (1900-1980 гг.) успешно применил усовершенствованные им принципы психоанализа к социальной философии в середине XX в. и удачно объяснил происхождение и функционирование таких историко-культурных феноменов, как тоталитарное государство (коммунистического и нацистского типов) и потребительское общество. Но история не закончилась на анализируемых Фроммом годах, и поэтому его учение может и должно быть применено к изучению других исторических, социальных и культурных феноменов. Во-вторых, социокультурная обстановка, в которой происходило открытие мыслителем «бегство от свободы», не является оригинальным явлением XX в., и именно поэтому мы настаиваем на том, что гуманистический

психоанализ Эриха Фромма является методом исследования индивидуальной и общественной психологии, применение которого результативно для изучения любой эпохи.

В данной работе мы рассмотрим эпоху поздней античности, по ряду социальных, политических и экономических черт сходную с первой половиной XX в. в Западной Европе и Северной Америке, на социально-психологической фактуре которых базируется учение Э. Фромма. Цель этого исторического экскурса – выявить специфику «бегства от свободы», характерную для римского общества III-V вв. н.э., и при этом обнаружить в ней черты данного феномена, также характерные для XX в.

Такая постановка вопроса предполагает решение следующих задач:

- сравнить положение индивида в изученном Фроммом европейском обществе XX в. с аналогичным положением человека в позднеантичном обществе, которое Фромм не исследовал;
- обнаружить механизмы «бегства от свободы», практиковавшиеся в поздней античности, и сравнить их с теми, которые Фромм считал характерными для общества XX в.

Основным методом исследования является сравнительный историко-философский и историко-культурный анализ положения индивида в западноевропейском обществе первой половины XX в. и положения человека в Римской империи эпохи её заката (III-V вв.).

Теоретическую базу данной работы составили труды Эриха Фромма [9; 10], а за фактическим материалом, касающимся поздней античности, мы обратились к работам таких зарубежных и отечественных исследователей, как Т. Моммзен [5], Г. Дельбрюк [2], Л. Мюссе [6], Х. Вольфрам [1], А. М. Ременников [7] и И. В. Зиньковская [3]. Также по мере необходимости мы использовали работы античных классиков Публия Корнелия Тацита [8] и Аммиана Марцеллина [4].

Практическая значимость исследования заключается в использовании результатов данной работы при чтении таких гуманитарных дисциплин, как социальная философия и культурология. Также некоторые положения исследования могут применяться в социально-психологической диагностике современного общества, определении перспектив и построении долгосрочных прогнозов общественного развития.

Положение индивида и механизмы «бегства от свободы» в европейском обществе XX в.

Немецко-американский психолог и философ, один из видных теоретиков Франкфуртской школы Эрих Фромм вошёл в историю философии, прежде всего, как идейный наследник З. Фрейда, творчески переосмысливший его учение и на основе своей концепции объяснивший функционирование таких феноменов, как тоталитаризм и консюмеризм. В основе концепции Фромма лежит простая и ясная антропологическая модель. Так, по мысли философа, специфическими человеческими переживаниями, выходящими за рамки биологических потребностей, являются любовь, нежность, разум, интерес, целостность и тождественность. основополагающей же характеристикой человеческого бытия является свобода. Вот как Фромм характеризует соотношение собственно человеческих (не-животных) переживаний: «Насколько мы превосходим сферу физического выживания, настолько нами уже не движут ни страх, ни бессилие, ни нарциссизм, ни зависимость и т.д., настолько мы выше принуждения. Любовь, нежность, разум, интерес, целостность и тождественность – все они дети свободы. Политическая свобода – это условие человеческой свободы лишь настолько, насколько она способствует развитию специфически человеческого» [10, с. 131]. Под свободой, проявляемой в повседневной жизни, мыслитель понимает спонтанность в решениях и поступках. Например, человек реализует свою свободу, совершая выбор рабочего места по своим личным соображениям, а не в результате экономического или социального принуждения. В ситуации же, когда спонтанное поведение затруднено или прямо подавляется, человеческая личность деформируется, то есть деформируются все её переживания. Согласно Фромму, несвободный человек не может ни искренне любить, ни бескорыстно чем-либо интересоваться, потому что основа его бытия изуродована. При этом сам человек вполне может не осознавать ущемления своей свободы и даже получать своеобразное удовольствие от деформированной жизни, хотя чувство собственной неполноценности станет его постоянным спутником.

Однако состояние свободы диалектично. С одной стороны, свобода является для человека необходимостью, но, с другой стороны, её неконтролируемый избыток разрывает неформальные общественные связи и вызывает у индивида чувства одиночества и бессилия. В своей известной работе «Бегство от свободы» Фромм анализирует трансформацию европейского общества от Средних веков к Новому времени и акцентирует внимание на том, как Реформация ликвидировала церковную иерархию, а вместе с ней и ощущение верующими братской сопричастности друг другу. Точно также вдохновлённый протестантскими идеалами капитализм уничтожил почти все традиционные общественные ассоциации, оставив индивида наедине с собственной жизнью. Оценивая человека лишь с экономической точки зрения, капиталистическое общество не навязывает ему никакого обязательного стиля поведения или образа жизни, но оно безразлично к проблемам и бедам индивида. Если он преуспеет в конкурентной борьбе, то никто не будет его за это порицать, но если в такой борьбе индивид проиграет, то никто не придёт ему на помощь и жалеть о нём тоже никто не будет. Тем более что, как верно отметил Фромм, капитализм быстро прошёл путь от мелкого бизнеса к монополиям, и к середине XX в. большинство людей работают не на себя, а на кого-то другого. Имея юридическое право уволиться с нелюбимого рабочего места, люди не имеют экономической возможности сделать это.

Вот как мыслитель характеризует создавшееся положение: «Кажется, будто человек действует в соответствии со своими интересами; на самом же деле его целостная личность, со всеми её возможностями, превратилась в орудие, служащее целям машины, которую он построил своими руками. Человек тешит иллюзией, будто он является центром мира, но при этом он проникнут тем же гнетущим чувством ничтожности и бессилия, какое его предки испытывали перед богом, осознавая это чувство. Чувства изоляции и беспомощности ещё более усиливаются новым характером человеческих взаимоотношений. Конкретные связи одного индивида с другим утратили ясный человеческий смысл, приобрели характер манипуляций, где человек используется как средство. Во всех общественных и личных отношениях господствует закон рынка» [9, с. 129]. Согласно этому закону рынка, человек вынужден всё время либо предлагать товар на продажу, либо быть этим товаром (как специалист или неквалифицированный работник). Если предлагаемые им вещи или услуги не продаются или продаются очень дешево, то индивид чувствует свою никчемность, хотя на самом деле она касается не личности, а только ряда её внешних черт. Ситуацию усугубляет очень сложная система производства и менеджмента, благодаря которой мало кто имеет дело напрямую с работодателем или покупателем: обычно эту роль играют посредники в виде начальников и агентов разных уровней корпоративной иерархии. В результате человек против своей воли оказывается лишь деталью огромного механизма, которую в любой момент может заменить неведомый хозяин по ещё менее понятным «соображениям рынка». Э. Фромм красноречиво описывает состояние современного ему трудового человека: «Каждый из них является деталью огромной экономической машины, выполняет в высшей степени специализированную функцию, находится в состоянии жестокой конкуренции с сотнями других, занимающих такое же положение, и его безжалостно выгонят, если он отстанет» [Там же, с. 137]. При этом совсем неважно, на каком именно предприятии работает тот или иной индивид: даже если он – государственный чиновник, над ним всё равно высятся пирамида из безликих, но требовательных руководителей. При этом каждый индивид по-прежнему формально свободен: он может выйти из сложившейся системы отношений (уволиться, переселиться, уйти в никуда), но тогда его жизнь – жизнь безработного и, следовательно, бездомного – вряд ли будет долгой и счастливой.

Такой образ жизни плохо совместим с человеческой природой, и от такой своеобразной свободы человек закономерно пытается бежать. Несмотря на обилие частных модификаций этого бегства, Фромм выделяет три его типичных механизма: авторитаризм, деструктивность и автоматизирующий конформизм.

Авторитаризм проявляется в органической связи садистского и мазохистского поведения. Садизм здесь понимается как стремление индивида доминировать над кем-то, а ощущение собственной полноценности приходит к садисту только тогда, когда он может внушить другому человеку страх или хотя бы покорность. Такой садизм имеет мало общего с физическим принуждением: например, начальник может ежедневно унижать подчинённых и запугивать их увольнением, ни словом, ни жестом не угрожая их телесному здоровью. Мазохизм же выражается в готовности человека принимать такое к себе отношение и даже индивидуальной обращённости к «жесткой руке». При этом такой потенциальный подчинённый неосознанно идеализирует «властителя» и придумывает множество оправданий его поведению: «Если мой господин так удивителен и прекрасен, то мне нечего стыдиться в моём подчинённом положении; я не могу с ним равняться, потому что он настолько сильнее, умнее, лучше меня...» [Там же, с. 175].

Конформизм выражается в абсолютном подчинении социальным нормам, безразличном в целом отношении ко всему миру и человечеству, погруженности индивида исключительно в свои собственные сиюминутные желания. Например, он готов согласиться с кем угодно и выполнить любое поручение, если ему за это щедро заплатят. Если же плата не предлагается, то и интерес у конформиста не пробуждается.

Исключительной, нечастой формой бегства от свободы является *деструкция* – стремление разрушить окружающую реальность; в данном случае избавление от чувства бессилия по отношению к окружающему миру достигается посредством разрушения этого мира. Обычно такой «разрушитель» чувствует невыносимость собственного положения и готов применить насилие для того, чтобы хоть как-то его изменить. Пусть даже сделать себе же хуже, но по-своему. Например, террорист-смертник воспринимает самоподрыв как ответный удар миру, устроенному жестоко и неудобно.

Но, как мы отмечали выше, основные выводы были сделаны Э. Фроммом в середине XX в. и касались современного мыслителю западного общества. Попробуем рассмотреть с позиции его учения социальный мир поздней античности (III-V вв.).

«Бегство от свободы» и исторический опыт поздней античности

Уже в конце I в. н.э. Римская империя представляла собой бюрократическое государство, в котором местное самоуправление не играло серьёзной роли, зато имперские чиновники обладали практически неограниченной властью. Столичный бюрократ при желании мог разорить или отдать без вины под суд практически любого провинциального жителя, и многие чиновники этой возможностью нередко пользовались.

Свободные крестьяне впали в бедность и оказались вытеснены из своих же деревень в последнем веке до н.э., и во II в. эта неприютная публика жила в мегаполисах за даровые государственные раздачи, сравнимые с современным пособием по безработице. Помещики-латифундисты не всегда процветали, так как с окончанием военных побед прекратился приток рабов; но вместе с тем в своём авторитете они уступали только

государственным должностным лицам. Помещик не имел юридической власти над свободными людьми, но по факту выступал вершителем их судеб за счёт распространенных ростовщических практик. Такой богач пресмыкался перед чиновниками из налогового ведомства, но притворялся богом перед собственными невольниками, должниками и пеонами.

Знаменитые римские легионы давно уже состояли из наёмников, каждый из которых присягал служить 25 лет (то есть не мог уволиться по своему желанию) и жил в истинно скотских условиях. Так Тацит описывает бесправие легионеров перед командованием, которое по своему усмотрению задерживало бойцов в армии сверх срока или платило им жалование далеко не регулярно [8, с. 46]. При этом как бы ревностно не служил легионер и как бы храбро он не сражался с врагами империи, в конце службы он награждался лишь небольшим участком земли на дальней окраине, где почти сразу же попадал в зависимость от местных латифундистов.

Таким образом, римское общество III-V вв. было бюрократизировано и обезличено почти так же, как и современное Э. Фромму западное общество эпохи промышленного капитализма. Аналогично тому, как в наши дни все дивиденды от экономики и политики получает лишь небольшая группа чиновников высшего звена и бизнесменов-монополистов, так и в поздней Римской империи «хозяевами жизни» были лишь императоры и их ближайшие приближённые из числа функционеров и фаворитов. И жизнь представителей этой «верхушки» нередко бывала такой же короткой, как зенит карьеры современных финансовых и политических лидеров. Однако именно они регламентировали все детали жизни подданных, зачастую руководствуясь не столько государственными нуждами, сколько личными капризами. Точно также даже самый храбрый и умелый легионер вряд ли смог бы получить внеочередное повышение: служба строго регламентировалась уставами. Дошло до того, что в конце IV в. был принят единый устав соответствия гражданских и воинских званий и сроков службы («Notitia Dignitatum»), положения которого почему-то не касались императорских фаворитов и родственников. Все общественные группы и институты империи постепенно деградировали, потому что государственный механизм в них не нуждался. Вот как описывает состояние римского общества III в. отечественный историк И. В. Зиньковская: «В народе постепенно нарастало чувство разобщённости, отчуждения от власти, а значит, и от служения государству и, как результат, – неуверенность в будущем, окончательно возобладавшая в эпоху домината» [3, с. 57].

Таким образом, в III-V вв. н.э. римский гражданин, будучи юридически свободным, по факту не был свободнее современного трудящегося горожанина. Разве что древнему римлянину не была доступна виртуальная реальность, он не играл в компьютерные игры и поэтому воспринимал мир во всей его неприглядной правде. И если современный человек чаще всего чувствует своё бессилие перед работодателем, то его античный товарищ по несчастью, кроме экономической неустроенности, нередко страдал от судейского произвола. В частности, если в наши дни обвинения в «неблагонадежности» сравнительно редки, то в поздней античности ни в чём не повинные люди нередко оказывались в тюрьмах по расплывчатому обвинению в «оскорблении императорского величия». При этом, как уже говорилось выше, формально римлянин, даже пеон (колон) был совершенно свободен.

Какими же путями бежали имперские граждане от этой невыносимой свободы? Начнём рассмотрение механизмов бегства от свободы с самых безобидных. Встречался ли в поздней античности конформизм? Настолько часто, что превратился в норму. Если в правление Нерона (I в.) считалось необходимым аплодировать бездарным стихам императора и присуждать ему незаслуженные победы на состязаниях, то в IV в. мелочность и апатия проникли во все сферы деятельности имперских горожан. Историк той эпохи Аммиан Марцеллин красноречиво описывает образ жизни небогатых граждан: «Что же касается людей низкого происхождения и бедняков, то одни проводят ночи в харчевнях, другие укрываются за завесами театров... Компании режутся в кости, втягивая с противным шумом воздух, с треском выпускают его через ноздри или же – это самое любимое занятие – с восхода солнца и до вечера, в хорошую погоду и в дождь обсуждают мелкие достоинства и недостатки коней и возниц» [4, с. 19]. Высшее общество мало отличалось от низшего, разве что могло позволить себе различные предметы роскоши и более дорогие представления. При этом представители обеих групп – и богатые, и бедные – не брезговали доносом даже на самых близких людей, и совесть их не мучила.

Римский авторитаризм, в котором гармонично уживались жестокость и раболепство, давно уже стал популярным антуражем исторических фильмов и романов, и всё же он изучен недостаточно. В наши дни все телезрители и читатели художественной литературы знают, как бесчеловечно обращались с подданными римские императоры типа Калигулы и Нерона, и с каким подобострастием и подхалимажем придворные и чиновники ловили каждое слово душевнобольных венценосцев. Однако, к сожалению, многие авторы забывают о той покорности, которую явили многие римские аристократы варварским вождям, стоило последним одержать победу над императорскими легионами. Потомки Мария и Суллы почти никогда даже не пытались сопротивляться – слишком уж они привыкли безропотно кланяться каждому, кто может поколебать их положение. Вот как описывает поведение аристократов в последние дни существования империи французский исследователь Л. Мюссе: «В целом малодушие пошло на пользу аристократии. При варварских королях она продолжала пользоваться большей частью своих привилегий и значительной долей богатств. Она утратила их только в Италии во второй половине VI в. за то, что не сохранила своей обычной безучастности в войнах между готами, византийцами и лангобардами» [6, с. 207]. Возникает закономерный вопрос: разве римские сенаторы и латифундисты не проявляли такую пассивность всегда? Разумеется, нет. Ведь некогда именно их предки отказались вести переговоры с Ганнибалом, настаивали на разрушении Карфагена и отвергли весьма мягкие условия мира с Пирром Эпирским. Но долгая жизнь в имперском авторитарном механизме деформировала

это гордое сословие. Эти люди настолько привыкли подчиняться любой внешней силе, что даже не пытались хоть как-то отстоять себя. Но, в то же время, до тех пор, пока воля короны и её функционеров оставалась законом для граждан, эти же люди непреклонно и подчас свирепо пресекали любое инакомыслие нижестоящих, идеально подходя под описание Э. Фроммом садистского поведения. В частности, именно имперские властные структуры на корню подавляли любые инициативы подданных, даже если эти инициативы могли спасти империю. Так, во время готского вторжения в Грецию (267 г.) отважный афинянин Дексипп собрал партизанский отряд и дал варварам отпор, тем более что в провинции на тот момент не было имперских войск, и поэтому греков могли защитить только они сами. Вскоре после того, как готы были отбиты, в провинцию вернулись легионы и чиновники, которых в первую очередь озаботило не преследование разбитых варваров, а разоружение отряда Дексиппа [7, с. 117]. После того как имперское войско было разгромлено варварами при Адрианополе (378 г.), монарх и его администрация тут же заняли новую, оригинальную и бессовестную позицию, признав победителей своими «союзниками» и разместив их на территории имперских провинций, поселив в домах граждан и поставив гражданам же на обеспечение. То есть вчерашние враги короны превратились в её «друзей», а грабёж, которому они собирались подвергнуть граждан, был моментально узаконен. Вот как описывает своих относительно спокойных «постояльцев» епископ Сидоний Апполинарий в письме другу: «Как я могу, хотя и одаренный поэтическим даром, сочинить песню для празднества любви, сидя в кругу длинноволосых, слушая вместе с ними германскую речь и принужденный с серьёзным лицом хвалить песни, которые поёт прожорливый бургунд, умащающий свои кудри прогорклым маслом? Убегая от варварской лиры, Талия уже ничего не хочет знать о шестистопном размере (гекзаметре) с тех пор, как она видит вокруг себя семифутовых господ. Твои глаза, твои уши, твой нос можно назвать счастливыми за то, что не чувствуют с самого утра того запаха чеснока и лука, который изрыгает целый десяток сосудов (котлов или кувшинов?). На тебя не нападает ещё до рассвета, как на старого дядю или как на мужа няньки, целая толпа гигантов, которых едва ли могла бы прокормить даже кухня Алкиноя. Но уже умолкает муза и обуздывает свои шуточные стихи, чтобы их не назвали сатирой» [2, с. 273]. Последние слова разорённого и стеснённого епископа-поэта совсем не случайность: теперь врагом короны считался всякий, кто проявлял недовольство превращением варваров в «союзников». Э. Фромм неслучайно заметил, что садист, не имея возможности властвовать, сразу же ставит себя в подчинённое положение и всё его поведение преисполняется искренним мазохизмом.

Итак, вместо того, чтобы использовать предоставленную варварскими нашествиями свободу для того, чтобы защищать свою жизнь и устраивать её по своему усмотрению, позднеантичная аристократия и чиновничество предпочли дать волю своим авторитарным стремлениям – как садистским (в адрес собственных граждан), так и мазохистским (в адрес варваров-победителей). А конформисты предпочли попросту не ввязываться ни в какие политические коллизии в момент краха империи, жалея лишь о том, что теперь театры дают представления всё реже и реже.

Но, как мы отмечали выше, Э. Фромм выделил ещё одну форму бегства от свободы – деструкцию. И в кризисный для империи момент римляне отдали должное этой деятельности. Так, во время готских нашествий III в. немалое содействие варварам-грабителям оказало имперское простонародье, причём готские вожди не только не готовили эту «пятую колонну», но нередко даже не знали о её существовании до момента знакомства. Например, во время набега 258 г. греческие и фракийские рыбаки бесплатно переправили готов через Босфор, разумеется, тайком от патрулировавшего пролив имперского флота [7, с. 99]. Немецкий историк Х. Вольфрам пишет о нападениях сельского населения на города и латифундии, совершаемые лишь при слухах о близости варваров [1, с. 77]. То есть имперская беднота не собиралась соединяться с варварами и не ждала от них избавления, зато неразбериха, порождаемая набегами, позволяла свести счёты с ростовщиками, помещиками и чиновниками. Вряд ли такие кровавые гешефты реально облегчали пеонам жизнь, но зато они создавали иллюзию крушения политического порядка, в котором индивид – всего лишь деталь механизма, обслуживающего несколько столичных семейств. Доходило и до настоящего сотрудничества с готами. В частности, немецкий историк Т. Моммзен сообщает о греке по имени Хризогон, который буквально «навёл» готов на родную Никомедию и за это удостоился их похвалы [5, с. 241].

Предательство достигло ещё больших масштабов в V в., когда уже всем стало ясно, что именно варварские вожди являются истинными хозяевами положения. Л. Мюссе полагает, что без добровольных помощников из числа римских граждан многие варварские походы не могли бы состояться: «Можно быть уверенным, что именно пятеро *Hispani* (здесь и далее – курсив автора. – Д. К.), прибывших в Африку с Гензерихом, помогли ему переправиться через Гибралтар. Для Теодориха переход его народа через Балканы в Италию и штурм *limes* Фриули определенно облегчался присутствием рядом с ним римлянина Артемидора, родственника императора Зенона, которого он вознаграждал должностью префекта Вечного города» [6, с. 219]. Кроме таких осознанных коллаборационистов, против империи с середины IV в. действовали открытые антиправительственные движения *багаудов* и *циркумцеллионов*, вдохновлявшиеся сепаратистскими, сектантскими и криминальными мотивами. Они не имели никаких шансов победить имперскую военно-бюрократическую машину, но внесли немалый вклад в дезорганизацию провинций и тем самым облегчили захват римских территорий варварами. Важно отметить, что ни одно из этих движений не было инспирировано извне, и нередко вожди захватчиков даже не представляли, как теперь строить отношения с этими неожиданными союзниками.

Итак, мы рассмотрели механизмы «бегства от свободы», функционировавшие в римском обществе эпохи поздней античности. Заметно, что они идеально совпадают с аналогичными механизмами, которые Э. Фромм обнаружил в европейском обществе XX в. Авторитаризм, в наши дни выражающийся в негласных требованиях

работодателей к индивиду «жить ради корпорации» и фактическом всевластии государственной бюрократии, имел своего «двойника» в поздней античности. Если учесть историческую специфику, римский обыватель точно так же, как и его современный «близнец», боялся остаться без работы или просрочить кредит, к этому добавлялся страх стать жертвой доноса и попасть под суд по ложному обвинению. Римский гражданин мечтал занять ответственную должность и утверждаться за счёт подчинённых точно так же, как об этом мечтают многие современные россияне. И, конечно же, римлянин раболепствовал перед «хозяевами жизни» с не меньшим пылом, чем это встречается в наши дни.

Конформизм, который в наши дни выражается в потребительском образе жизни и пресловутой компьютерной зависимости, конечно же, встречался в Риме III-V вв., но вряд ли он мог быть таким тотальным, как современный. Ведь в античности не существовало торговли брендами и интернета, поэтому древнеримский торговец имел меньшее пространство для маркетинга, чем его современный коллега. Скорее всего, римский обыватель был вынужден считаться с реальностью в гораздо большей степени, чем современный западноевропейский потребитель.

Что же касается деструктивности, о которой мы писали выше применительно к позднеантичному обществу, то с середины XX в. данная тенденция приобретает ещё более выраженный характер (хотя она реализуется, конечно, в иных социокультурных и исторических реалиях). Тема социальной деструкции привлекала внимание крупнейших теоретиков Франкфуртской школы, разрабатывавших различные её аспекты (срезы): если М. Хоркхаймера и Т. Адорно в большей степени интересуют многофункциональность деструкции («Диалектика Просвещения»), а Г. Маркузе конкретизирует данное понятие посредством исследования общих политических механизмов проведения и осуществления деструкции («Одномерный человек»), то Э. Фромм разворачивает свою концепцию в антропологическом ключе, анализируя различные этапы развития человека («Анатомия человеческой деструктивности»). При этом следует иметь в виду, что античность представляет собой завершённый исторический цикл, а этап современности пока ещё не завершён. Экскурс в римскую историю времён гибели империи показывает нам возможные перспективы нашего недалёкого будущего.

Заключение

В результате проведённого исследования мы пришли к следующим выводам. Установлено, что открытый Эрихом Фроммом феномен «бегства от свободы» и механизмы этого «бегства» имеют универсальный, вневременной характер. Одни и те же социальные условия могут вызывать у оказавшегося в них человека одни и те же реакции независимо от того, о какой именно эпохе идёт речь.

Доказано, что монополистический капитализм середины XX в. и имперская бюрократия Древнего Рима одинаково превращали индивида в унифицированную деталь системы. В обоих случаях итогом такой ситуации становилось авторитарное, разрушительное или конформистское поведение индивида.

Исследование феномена «бегства от свободы» способствовало процессу формирования базовых парадигм в осмыслении исторического опыта, характерных для нового этапа постклассической западной философии истории первой половины XX в.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более фундированном изучении теоретического наследия Франкфуртской школы для интерпретации исторического опыта как основания постижения прошлого.

Финансирование

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого», № - 20-011-00406 - А.

Список источников

1. Вольфрам Х. Готы. СПб.: Ювента, 2003. 656 с.
2. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории: в 7-ми т. М.: Воениздат, 1937. Т. 2. Германцы. 400 с.
3. Зиньковская И. В. Варварские государства раннесредневековой Европы: учебное пособие. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. 248 с.
4. Марцеллин А. Римская история. М.: АСТ, 2005. 631 с.
5. Моммзен Т. История Рима: в 5-ти т. М.: АСТ, 2002. Т. 5. Кн. 8. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. 749 с.
6. Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб.: Евразия, 2006. 399 с.
7. Ременников А. М. Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III веке н.э. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 147 с.
8. Тацит П. К. Анналы. История. М.: АСТ, 2005. 828 с.
9. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ, 2004. 571 с.
10. Фромм Э. Душа человека. М.: АСТ, 2004. 572 с.

Информация об авторах | Author information

Кукарников Дмитрий Германович¹, к. филос. н., доц.

¹ Воронежский государственный университет

Kukarnikov Dmitriy Germanovich¹, PhD

¹ Voronezh State University

¹ kukarnikoff@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.01.2021; опубликовано (published): 15.03.2021.

Ключевые слова (keywords): «бегство от свободы»; авторитаризм; деструкция; конформизм; Римская империя; "escape from freedom"; authoritarianism; destruction; conformism; The Roman Empire.